

Александр Ивантер, Сергей Кудияров, Евгения Обухова Кризис, к которому мы готовы

Первые, апокалиптические, оценки нефтяного кризиса оказались сильно преувеличенными. Россия не была инициатором разрыва сделки ОПЕК+. Начатая Саудовской Аравией ценовая война больше всего ударит по ней самой. Внутрироссийская экономическая повестка изменилась: вместо ускорения роста теперь надо постараться избежать спада ВВП и минимизировать масштаб девальвации

Д

ве напасти — резко подешевевшая нефть и разгул коронавируса, приобретший масштабы полноценной пандемии, — взаимно усиливая друг друга, поставили

мир на грань глобальной рецессии. Противостояние кризису осложняется тем, что дезинтеграция социума, спасительная для борьбы с вирусом, усугубляет экономические трудности.

Кризисы порождают девальвацию не только валют, но и оценок, а тем более прогнозов. События разворачиваются столь стремительно, что многое из того, что вы прочтете в этой статье, потеряет свое значение за время ее доставки читателю. Тем не менее мы постараемся внести толику ясности в то, что уже произошло, и, опираясь на мнения экспертов, дать свою версию происходящего. Мы также провели экспресс-опрос среднего частного бизнеса самых разных отраслей, чтобы понять, чего в разворачивающемся кризисе больше — беды или возможностей.

Кто не любит лонгриды, может ограничиться краткими выводами.

Ценовую войну на нефтяном рынке развязала не Россия, а Саудовская Аравия. Сделка ОПЕК+ была обречена задолго до развязки в Вене 6 марта. История с коронавирусом лишь обнулила договороспособность сторон, интересы которых расходились и раньше, причем все дальше. Тем не менее сделка ОПЕК+ не была для России ошибкой. Первые два года координации добычи принесли значительные бонусы российскому бюджету и отечественным нефтяникам, но постепенно главным бенефициаром сделки стала индустрия по добыче сланцевой нефти в США.

Ценовая война выбьет из глобальной нефтяной игры американскую сланцевую нефть не целиком и не сразу и, возможно, не навсегда. Вместе со сланцевиками ценовой шок не переживут и другие проекты, рентабельные при докризисных ценах, — новые проекты на глубоководном шельфе и в Арктике, а также еще не начатые или едва начатые проекты по разработке «трудной» нефти по всему миру. Это неизбежная плата

Основные параметры первого соглашения ОПЕК+

Страна	Исходный объем добычи (млн баррелей в сутки)	Объем согласованного сокращения добычи (тыс. баррелей в сутки)	Доказанные запасы (млн тонн)
Саудовская Аравия	10,6	322	40,9
Ирак	4,7	141	19,9
ОАЭ	3,2	96	13
Кувейт	2,8	85	14
Нигерия	1,7	53	5,1
Ангола	1,5	47	1,1
Алжир	1,1	32	1,5
Прочий ОПЕК	1,2	36	—
Россия	11,7	230	14,6
Казахстан	2	40	3,9
Мексика	2	40	1,1
Оман	1	25	0,7
Азербайджан	0,8	20	1
Малайзия	0,7	15	0,4
Прочие страны, не входящие в ОПЕК	0,6	13	—

Источники: ОПЕК, BP

за нащупывание нового среднесрочного ценового равновесия. Однако каким оно окажется, бессмысленно гадать до победы над пандемией и запуска обновленной конфигурации трансграничных цепочек производства и потребления товаров и услуг.

Первый контур кризиса, связанный с дешевой нефтью, не должен уронить рубль сильнее, чем на 30% к уровню начала года, — около половины этого спада уже отыграно. Накопленные резервы (денег и опыта прошлых пертурбаций) должны позволить нашим денежным властям избежать финансового цунами.

Удерживать российский ВВП от снижения в нынешнем и будущем году возможно, но это потребует активизации контрциклических мер правительства. Надежды на автоматический импортозамещающий рост, подобный тому, который следовал за девальвациями 1998 и 2008 годов, сейчас невелики: резервы некапиталоёмкого, рыночного импортозамещения практически исчерпаны.

А теперь подробности.

Что случилось в Вене

В преддверии очередного саммита министров нефти и энергетики ОПЕК и ОПЕК+ в австрийской столице президент России **Владимир Путин** провел встречу с главами крупнейших российских нефтяных компаний. Сверка ощущений понадобилась ввиду повышенной неопределенности на глобальном рынке из-за резкого снижения спроса под влиянием экономических последствий распространения коронавируса. Никаких решений на встрече принято не было, а отправившийся в Вену министр энергетики **Александр Новак** имел вполне

умеренный мандат — продлить истекающие 1 апреля ограничения на добычу, взятые на себя Россией в рамках сделки ОПЕК+, еще на один квартал. Раздражение против самоограничения роста добычи участниками ОПЕК+, которым от души пользовались американские сланцевики, копилось у некоторых наших нефтяников давно (лидер отрасли «Роснефть» никогда не скрывала своего негативного отношения к сделке), тем не менее хлопать дверью в Вене Новак не собирался. «Наше предложение было — продление [сделки] минимум на один квартал, но мы были готовы рассмотреть и больше... на текущих условиях, чтобы оценить реальный ущерб от коронавируса. Мы понимали, что при таком подходе цена упадет на пять-восемь долларов за баррель, но при этом у нас было бы время оценить последствия и принять взвешенное решение», — комментировал позицию Москвы на переговорах замминистра энергетики **Павел Сорокин** в интервью Reuters 11 марта.

Венский саммит традиционно (как и последние три года) был двухчастным. Сначала заседали министры 14 стран — участниц самого картеля, вырабатывая общую позицию ОПЕК (здесь главные действующие лица — Саудовская Аравия и ее союзники ОАЭ и Кувейт, а также Ирак). А на следующий день к ним присоединились министры стран вне картеля, участвующие в соглашении (здесь рулит Россия, заметные фигуранты — Казахстан и Мексика).

Первый же день саммита принес неприятную неожиданность. Министры ОПЕК выкатили на расширенное заседание рекомендацию из двух частей. Первая часть: продлить принятые три меся-

ца назад ограничения по добыче с конца первого квартала до конца 2020 года. Вторая часть: учитывая резкое снижение прогнозных оценок глобального спроса на нефть в текущем году (его прирост переоценивался с 1,1 млн баррелей в день до 480 тыс. баррелей), рекомендовать введение дополнительных ограничений на добычу в размере 1,5 млн баррелей в день до середины года. При этом две трети нового секвестра должен был обеспечить картель, а треть, то есть 500 тыс. баррелей в день, — присоединившиеся страны (не члены ОПЕК). «На Россию приходилось бы примерно 300 тысяч с небольшим баррелей в сутки снижения, то есть удвоение текущего снижения, — пояснил Павел Сорокин в упомянутом интервью и привел аргументы, почему это предложение оказалось для России неприемлемым. — Помимо того что мы считаем предложение о снижении на полтора миллиона баррелей в сутки избыточным, еще и технологически это гораздо сложнее осуществить: у нас более сложная структура добычи, чем у наших партнеров из арабских стран, у нас больше скважин и ограничено поле для маневра, где мы можем ограничивать добычу. Шестьсот тысяч баррелей в сутки — это существенное снижение и тяжелое восстановление, просто по технологическим причинам. Часть сокращения может просто не вернуться никогда, а это потеря рабочих мест, снижение инвестиций».

Министр Новак улетел в Москву для дополнительных консультаций и на следующий день привез в Вену окончательное российское «нет». Пятичасовые переговоры закончились ничем. И, видимо, проходили они довольно нервно, так как в итоге даже действующее до конца марта соглашение об ограничении добычи участниками не захотели или не смогли продлить.

«Саудовская Аравия так настаивала на сокращении потому, что сама еще после предыдущей встречи дополнительно снизила добычу примерно на 400 тысяч баррелей в сутки, чтобы поддержать акции Saudi Aramco после IPO, и рассчитывала на поддержку со стороны остальных участников соглашения, — считает **Марсель Салихов**, руководитель департамента Института энергетики и финансов. — Однако Москва оказалась неготовой пойти на новое снижение добычи — прежде всего из опасений, что этим воспользуются производители сланцевой нефти в США».

Нефтяной вестерн

Сразу же после провала переговоров саудиты перешли к решительным действиям на рынке. Как стало известно 8 марта, королевство намерено увеличить собственную добычу и предложило по-

купателям двадцатипроцентную скидку на апрель (обычно Саудовская Аравия собирает заявки у потребителей на поставку нефти на следующий месяц в начале предыдущего). Объем добычи уже с апреля планируется увеличить с текущих 9,7 млн баррелей в сутки до 10–11 млн баррелей в сутки (общие производственные мощности Саудовской Аравии сейчас оцениваются в 12 млн баррелей в сутки). Такой прирост фактически съест весь объем снижения добычи, предусматривавшийся ранее соглашением ОПЕК+.

В понедельник 9 марта котировки нефти показали рекордное со времен войны в Заливе 1991 года 30-процентное снижение. Если в начале этого года цены на нефть марки Brent держались в районе 65–68 долларов за баррель, а на фоне снижения деловой активности в Китае из-за коронавируса опустились к началу марта до 52 долларов, то сейчас за «бочонок» просят 33 доллара. Причем и это может оказаться не пределом. Так, Bank of America и Goldman Sachs уже заявили, что нефтяные цены в дальнейшем могут упасть и до 20 долларов за баррель.

Кувейт и Ирак (вероятно, не желая терять клиентуру) тоже объявили о снижении цен.

Кто же будет проигравшим и победителем в развязанной саудовцами ценовой войне из числа первой тройки нефтедобытчиков?

Насколько сама Саудовская Аравия готова пережить падение цен на нефть, вопрос открытый. Отраслевые аналитики предполагают, что доходы королевства от продажи нефти вследствие низких цен могут сократиться по меньшей мере на 30%. В этом году Саудовская Аравия рассчитывала на бюджет в 168 млрд долларов, из которых до 68 млрд — военные расходы (для сравнения: военные расходы России по номинальному обменному курсу в 2019 году составили 61 млрд долларов). Теперь саудовцам придется резать бюджет — в противном случае страна окажется вовлечена в многолетний финансовый кризис. И первый претендент — военные расходы.

Саудовские войска, несмотря на колоссальное финансирование, уже умурились покрыть свои знамена неуважительно позором в безуспешных попытках справиться с йеменскими повстанцами. Теперь дешевая нефть не усилит позицию Эр-Рияда, а напротив, может вынудить саудовцев пойти на уступки в урегулировании йеменского конфликта, в котором Саудовская Аравия участвует с марта 2015 года.

Очевидной «жертвой» развала сделки ОПЕК+ выглядят американские сланцевики.

Рублевая цена на нефть сильно просела вслед за долларовой

В США начало ценовой войны вызвало настоящий шторм. Биржи уже отреагировали обвалом рыночной стоимости сланцевиков. Так, EOG потеряла 35% стоимости, Continental Resources — 40%, Occidental Petroleum — 44%, ряд более мелких производителей обвалились более чем вдвое и готовятся к остановке производства.

Такая истерика неспроста. По данным февральского исследования Federal Reserve Bank of Dallas, охватившего 87 фирм, занимающихся разведкой и добычей нефти, всем основным игрокам на шельфовом поле нужны более высокие цены, чтобы бурение новых скважин было рентабельным. Линия отсечения, при которой работа становилась в принципе экономически целесообразной, оказалась в интервале 48–54 доллара за баррель WTI. Это намного выше нынешних цен.

Сейчас, как утверждает аналитик Strategas Research Partners **Томас Цитсурсис**, американские нефтяные компании, разрабатывающие сланцы, в своей работе вынуждены опираться на заемные средства и привлекать их по высоким относительно рынка ставкам.

Аналитики единодушны в том, что сланцевую отрасль США ждут массовые банкротства мелких компаний и значительное падение производства. «Снижение сланцевой добычи случилось бы и при цене 40–50 долларов за баррель. Сланцевый пузырь тихо сдулся бы сам из-за проблем, накопившихся в данном сегменте», — считает **Георгий Трофимов**, главный экономист Института финансовых исследований.

Однако моментального падения добычи в американской индустрии сланцевой нефти не последует, так как 60% производства сланцевой нефти захеджировано от падения цены на шесть месяцев. Очевидно, что последуют и меры господдержки сланцевой индустрии. Как сообщает The Washington

Но рубль еще далек от значений прошлой паники

Post, правительство США в настоящее время серьезно рассматривает государственную помощь нефтегазовым компаниям, по которым ударило падение цен на нефть. Скорее всего, приводит слова источника издание, федеральная помощь будет в виде низкопроцентных займов сланцевым компаниям, чьи кредитные линии закрыли финансовые учреждения.

«При устойчивых ценах 30–40 долларов за баррель добыча в США перестанет расти уже через три-шесть месяцев, а в перспективе девяти-пятнадцати месяцев начнет снижаться», — прогнозирует **Валерий Семикашев**, руководитель лаборатории Института народнохозяйственного прогнозирования (ИНП) РАН.

А в споре между Саудовской Аравией и Россией все не так однозначно.

С одной стороны, Россия сталкивается с исчерпанием запасов старых месторождений и необходимостью ради поддержания объемов добычи вовлекать в разработку все больше трудноизвлекаемых запасов. Что влечет за собой рост себестоимости добычи.

По оценке IHS Markit, средняя себестоимость новых проектов (с учетом налогов и полного производственного цикла, при рентабельности добычи 10%) для России составляет 42 доллара за баррель для сухопутных месторождений и 44 доллара за баррель — для шельфовых проектов. Для Саудовской Аравии этот показатель заметно ниже — порядка 17 долларов за баррель.

Другое дело, что это взгляд в дальнюю перспективу. Сегодня же средняя себестоимость добычи на уже разрабатываемых месторождениях в Саудовской Аравии оценивается Saudi Aramco на уровне 10 долларов за баррель. Для России этот показатель составляет, как ранее утверждал Павел Сорокин, от 9 до 20 долларов за баррель в зависимости от проекта.

«В России есть потенциал дополнительных 20–30 миллионов тонн годовой добычи, но легко подсчитать, что полностью отыграть падение доходов за счет наращивания добычи не получится», — считает **Андрей Колпаков**, старший научный сотрудник ИНП РАН.

У Саудовской Аравии нет других инструментов в этой войне, кроме денежных и нефтяных запасов. Королевство прогнозировало свой бюджет исходя из цены барреля примерно 55 долларов, что сильно выше «российского» уровня. Но даже при таком расчете дефицит бюджета Саудовской Аравии в 2020 году оценивается в 49,8 млрд долларов, что эквивалентно 6,4% ВВП. «В ноль» бюджет королевства вернется только при цене свыше 80 долларов за баррель. Кроме того, королевство традиционно поддерживает фиксированный курс своей валюты к доллару (в отличие от большинства других экспортеров, включая Россию). То есть придется либо «жесть» резервы, спасая обменный курс, либо в довесок к падению доходов от продажи нефти получить и финансовый шок.

«Саудовской Аравии нужны цены на нефть от 75 до 80 долларов США, чтобы сбалансировать свой бюджет. При це-

нах, которые были достигнуты с понедельника и вторника, дефицит бюджета страны может достичь 100 миллиардов долларов, а цели новых продаж акций компании Agamco поставлены под вопрос», — отмечает директор по исследованиям французской Высшей школы социальных наук (EHESS) и глава Центра исследований индустриализации (CEMI) **Жак Сапир**.

Что касается прогноза нефтяных цен на ближайшие недели и даже месяцы, не станем даже пытаться — это абсолютно бессмысленно. А вот ранжирование факторов влияния может пригодиться. «Сейчас градиация факторов по влиянию на цены на нефть, на мой взгляд, такая: ожидания сокращения деловой и транспортной активности из-за коронавируса, далее оценки реального сокращения из-за экономического спада и эффектов от низких цен (при низких ценах спрос оказывается выше на 0,5–0,7 процентного пункта), а потом уже реальные позиции производителей нефти», — считает Валерий Семикашев.

Рубль: пока не в штопоре

Первая переменная российской экономической жизни, которая вызывает

наибольшее беспокойство в моменты резкого удешевления нефти, — курс рубля. За бурную прошлую неделю национальная валюта подешевела к доллару без малого на 8% — весьма скромно на фоне более чем 20-процентного снижения цены нефти. Агрессивной игры против рубля пока не идет. И продажа ЦБ валюты на 3,6 млрд рублей 11 марта скорее успокаивающий сигнал, чем реальная мера, поддерживающая курс. «ЦБ начинает поддержку рубля, когда есть избыточное спекулятивное давление на рубль, — говорит **Денис Порывай**, старший аналитик по финансовым рынкам Райффайзенбанка. — Судя по всему, сейчас пока этого давления нет, и рубль не ушел ниже справедливых значений».

Заместитель директора ИНП РАН **Александр Широ** объясняет, что причин именно мягкой девальвации до уровня 72–75 рублей за доллар несколько: во-первых, за счет бюджетного правила курс в течение длительного времени поддерживался на заниженном по отношению к равновесному состоянию уровне. Эта «переослабленность» руля в последнее время составляла примерно 12–15%. Сейчас она играет роль демп-

Россия и ОПЕК+: почему сделка выдохлась

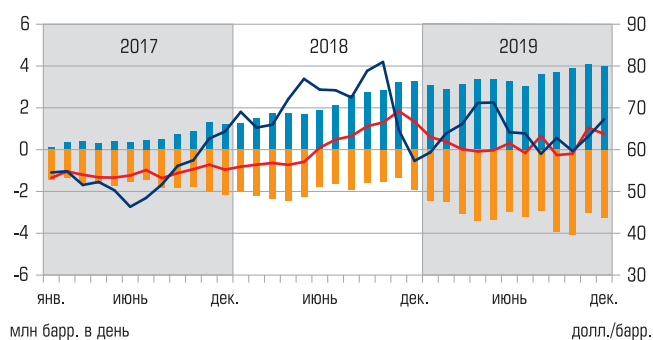
Превышение производства нефти над ее потреблением началось с рубежа 2011–2012 годов, когда стартовало динамичное наращивание добычи сланцевой нефти в США. Следующие два года характеризовались высокими нефтяными ценами на фоне стабилизации физических показателей. В этот период прирост добычи сланцевой нефти замещал выпадение добычи в Иране, Ливии и ряде других странах. Однако в 2014 году, когда рост добычи сланцевой нефти перестал компенсироваться наращиванием потребления и выбыванием производства в других странах, на мировом рынке начал накапливаться существенный профицит предложения нефти, за чем последовало резкое падение цен.

Нарастание профицита производства нефти продолжалось вплоть до конца 2016 года, когда была заключена сделка о сокращении добычи меж-

ду ОПЕК и другими нефтедобывающими странами, не входящими в картель (в том числе Россией), которая получила название ОПЕК+. Цель сделки — обеспечить более высокие цены на нефть за счет снижения предложения на рынке. В первый год среднесуточный объем нефти, который фактически снимался с рынка, составлял 1,7 млн баррелей. Цена нефти к концу 2017 года достигла порядка 65 долларов за баррель (см. график 1).

В первые пять месяцев 2018-го снижение добычи составляло в среднем 2,3 млн баррелей в день, что даже превышало достигнутые договоренности. Однако в июне—декабре ОПЕК+ вернулся к прежним показателям — среднесуточное ограничение составляло 1,7 млн баррелей. Цена нефти продолжала постепенно расти, и в октябре 2018-го находилась на своем локальном пике: более 80 долларов за баррель.

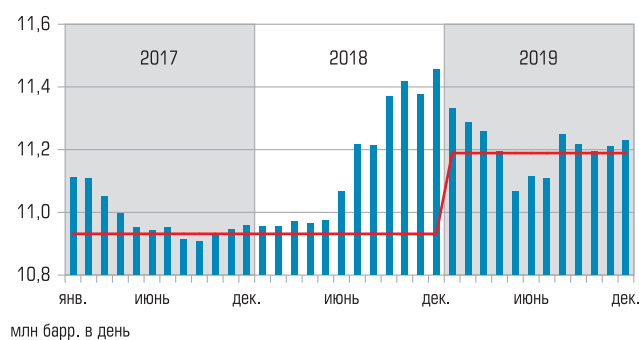
Пытаясь поддержать цены, ОПЕК+ расчищал рынок для американской сланцевой нефти

■ Фактическое сокращение добычи ОПЕК+ ■ Прирост добычи нефти в США
■ Цена нефти Brent (правая шкала)

Источники: EIA, Bloomberg

За исключением второй половины 2018 г., Россия придерживалась ограничений по добыче в рамках соглашений ОПЕК+

■ Фактическая добыча нефти в России
■ Целевой уровень с учетом обязательств в рамках ОПЕК+

Источник: Минэнерго России

фера курсовых колебаний, сглаживая их амплитуду при всех возможных сценариях. Во-вторых, в арсенале ЦБ и Минфина больше рычагов воздействия на рынок: отмена продаж рублей в рамках бюджетного правила, изменение процентных ставок, продажа части резервов и т. д. Часть из них еще не использовалась. В-третьих, долговая ситуация сейчас намного легче, чем в 2014 году, как для бизнеса, так и для государства. В-четвертых, расчистка банковской системы при всех негативных последствиях сделала рынок более управляемым и предсказуемым. «По нашим расчетам, для полной компенсации текущих долларовых доходов экономики от экспорта нефти при цене 35 долларов за баррель необходимо нарастить добычу нефти примерно на 85 миллионов тонн в годовом выражении, — говорит Александр Шилов. — Теоретически это сделать можно, но этот процесс займет не менее семи-десяти лет. В связи с этим для нормализации торгового баланса и балансировки бюджета неизбежна очередная девальвация курса. Пока на уровне не выше 20 процентов».

Оценки Института Гайдара более пессимистические: общая девальвация рубля при таких ценах на нефть

в ближайшее время может составить примерно 30–35% по отношению к началу года. «Будет ли в дальнейшем наблюдаться некоторое укрепление рубля или дальнейшее падение курса, зависит уже от реакции Банка России и поведения российских участников рынка. Но в любом случае масштабы кризиса, по нашему мнению, будут меньше, чем на рубеже 2014–2015 годов, так как уровень внешней задолженности российских компаний и банков сейчас меньше, чем был тогда», — говорит директор по научной работе Института Гайдара **Сергей Дробышевский**.

Пока из мер поддержки ЦБ лишь остановил покупку валюты в рамках бюджетного правила и расширил механизмы предоставления валютной и рублевой ликвидности, а Минфин прекратил размещение новых ОФЗ (скорее с целью поддержки долгового рынка) и пообещал начать конвертировать часть средств ФНБ в рубли — возможно, это будет два-три миллиарда долларов в месяц, то есть размер месячного дефицита при цене на нефть 35 долларов за баррель. Таким образом, к концу года из ФНБ при сохранении текущих цен на нефть может быть потрачено 30 млрд долларов (раз-

мер ФНБ на 1 февраля 2020 года составлял 124 млрд долларов).

Но вполне вероятно, что это и не понадобится: несмотря на шквал апокалиптических прогнозов по рынку нефти, все еще сохраняется немалая вероятность, что уже к концу года цены развернутся вверх. «Сохранение цен на нефть на уровне 35–37 долларов за баррель, на мой взгляд, нереалистичный сценарий, так как в данный момент мы наблюдаем шоковые реакции и они будут корректироваться, — сказал “Эксперту” президент хозяйственного партнерства “Новый экономический рост” **Михаил Дмитриев**. — Поэтому по итогам года не стоит ожидать средней цены ниже 40 долларов за баррель, тем более что первые два месяца мы прожили с гораздо более высокими ценами. Дальнейшее падение нефти неизбежно приведет к быстрому сокращению числа буровых установок в США». Таким образом, скорее всего, по итогам года мы останемся примерно с теми же доходами бюджета, которые и были запланированы, добавляет экономист, то есть те доходы, которые направляются на текущие расходы, бюджет не потеряет, за исключением резервирования нефтегазовых доходов.

Следствием подъема цен стало динамичное наращивание добычи нефти в США, преимущественно за счет разработки сланцевых запасов. Особенностью сланцевой добычи является короткий инвестиционный цикл, составляющий всего несколько месяцев. Более высокие цены на нефть привели к интенсификации этого направления. И уже в июне 2018 года прирост сланцевой добычи за период действия ОПЕК+ превысил объем ограничения предложения нефти со стороны альянса.

Из-за вновь возникшего профицита предложения на рынке цена нефти резко обвалилась в четвертом квартале, и в декабре 2018 года составляла в среднем 57 долларов за баррель. Как результат, в декабре 2018-го альянс ОПЕК+ договорился обновить параметры сделки, чтобы снизить свою добычу на 1,2 млн баррелей в день.

Россия выступила одной из ключевых сторон сделки ОПЕК+ и в качестве организатора, и с точки зрения ограничения добычи (см. график 2). Таргет для России в рамках соглашения на 2017–2018 годы ограничивал ее добычу на 300 тыс. баррелей в день (около 15 млн тонн в год) от уровня октября 2016-го, то есть равнялся 10,9 млн баррелей в день.

Целевой уровень был достигнут к маю 2017 года и выполнялся вплоть до мая 2018-го. Но с июня 2018-го Россия была в числе стран, которые решили нарастить добычу, что оказалось возможным на фоне удержания высоких цен и более серьезного, чем ожидалось, сокращения производственных показателей нефтедобывающих отраслей Венесуэлы, Анголы и Мексики. В результате по итогам 2018 года среднесуточная добыча нефти в России составила 11,16 млн баррелей (по сравнению с 10,98 млн баррелей в день в 2017 году).

После пересмотра параметров сделки ОПЕК+ был установлен новый таргет для России на первое полугодие 2019 года — ограничение добычи на 230 тыс. баррелей в день от уровня октября 2018 года, то есть 11,2 млн баррелей в день. По итогам 2019 года Россия добыла 560 млн тонн нефти, что эквивалентно ее таргету.

Если предположить, что без сделки ОПЕК+ цена на нефть в 2017–2018 годах была бы в диапазоне 40–50 долларов за баррель, то выгоду России от участия в соглашении можно оценить примерно в 100–150 млрд долларов дополнительной выручки. Упущенная же выгода от ненаращения добычи

может быть оценена на два порядка ниже. Таким образом, сделку ОПЕК+ в рассматриваемый период надо признать крайне успешной для нашей страны.

Однако бюджетное правило, которое заключается в стерилизации доходов бюджета от налогов на нефть при ценах выше 40 долларов за баррель, не позволяет использовать главный позитивный эффект дорогой нефти — направлять дополнительные доходы бюджета на цели развития экономики или повышение уровня потребления внутри страны. Участие России в ОПЕК+ заставляет отечественные нефтяные компании откладывать сроки реализации добычных проектов, при этом основная выгода от сделки в виде высоких цен консервируется в виде резервов, а не идет на развитие экономики страны. В то время как американская сланцевая добыча воспользовалась ценовым эффектом сделки ОПЕК+ для наращивания своей рыночной доли.

Существовал серьезный риск: чем дольше действует сделка, тем сильнее упадет цена нефти после ее завершения. Наши оценки показывают, что, сдерживая свою добычу и обеспечивая более высокую цену нефти, члены ОПЕК+ отдают конкурентам все большую нишу на рынке. Так, при условии пролонгации соглашения к 2022 году США добывали бы нефти минимум на один миллион баррелей в день больше, чем при его завершении уже в 2019 году.

На рынке, где действует ОПЕК+, Россия зарабатывает только на цене, а США — на цене и объемах реализации. Это позволяет США окупать затраты на развитие сланцевой индустрии, значительная часть которой в обычных условиях менее конкурентоспособна по сравнению с традиционными производителями и развивалась бы менее впечатляющими темпами.

Таким образом, участие России в сделке ОПЕК+ на постоянной основе нецелесообразно. В условиях эпидемии коронавируса, когда наблюдается паника на биржах, а прогнозы спроса на нефть характеризуются крайней неопределенностью и постоянно пересматриваются «вниз», не стоит пытаться ограничивать предложение. Сначала надо определить дно спроса и цен, а потом рассматривать варианты воздействия на рынок.

■ Валерий Семикашев, заведующий лабораторией прогнозирования ТЭК Института народнохозяйственного прогнозирования (ИНП) РАН
Андрей Колпаков, старший научный сотрудник ИНП РАН